

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА THEORY OF LAW AND STATE

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-2-11-17

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.11

Дата поступления: 22.06.2022
рецензирования: 28.07.2022
принятия: 21.08.2022

Правовая реальность: философско-правовой анализ

П. П. Ланг

Самарский государственный экономический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: petr.lang@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье приводится философско-правовое исследование правовой реальности как неотъемлемого элемента общественных отношений. Автором проиллюстрированы теоретико-методологические аспекты интерпретации указанного явления, показана его онтологическая составляющая с учетом ценностных установок и начал в социуме. Проведен анализ сочетания и взаимодействия правовой реальности и правовой действительности, правового отношения, правовой деятельности, источника права, а также правовой памяти, правосознания и др. Определено теоретико-правовое значение рассматриваемого явления для юридической доктрины, в том числе посредством аксиологической методологии.

Ключевые слова: правовая деятельность; правовая реальность; правосознание; правовое мировоззрение; правовые ценности; правовая память; правовая действительность.

Цитирование. Ланг П. П. Правовая реальность: философско-правовой анализ // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 2. С. 11–17. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-2-11-17>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Ланг П. П., 2022

Петр Петрович Ланг – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.06.2022
Revised: 28.07.2022
Accepted: 21.08.2022

Legal reality: philosophical and legal analysis

P. P. Lang

Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
E-mail: petr.lang@mail.ru

Abstract: This article presents a philosophical and legal study of the relationship between legal activity and legal reality, their definitions are formulated. The author illustrates theoretical and methodological aspects of interpretation of these categories. The analysis of the combination of legal reality, as well as legal memory, legal awareness, etc. is carried out. Theoretical and legal significance of the categories under consideration for the legal doctrine is determined.

Key words: legal activity; legal reality; legal awareness; legal worldview; legal values; legal memory; legal reality.

Citation. Lang P. P. *Pravovaya real'nost': filosofsko-pravovoy analiz* [Legal reality: philosophical and legal analysis]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 2, pp. 11–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-2-11-17> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Lang P. P., 2022

Petr P. Lang – Doctor of Law, associate professor, associate professor at the Department of Civil and Arbitration Procedure, Samara State University of Economics, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

Эпистемологические процессы в правовой материи, включающие в себя познание деятельности в качестве практико-образующего структурного компонента права как социального явления, представляют собой интегрирующее начало, объединяющее реальность и деятельность применительно к правовой сфере. Не случайно в специализированной литературе философского характера указывается, что отличительной чертой реальности является ее условная независимость от познания, при этом познающий субъект не может не учитывать свою реальность. Индивидуальные желания и намерения субъекта бытия зависят от него самого, но для их реализации субъекту необходимо учитывать ту среду (сферу), в которой он находится, кроме того, на данную среду субъект, как правило, имеет опосредованное воздействие, то есть «любое действие в мире для того, чтобы быть успешным, должно опираться на познание характеристик независимой от познания реальности» [1, с. 19]. Рассматривая обозначенную тематику, следует учитывать, что исследуемая реальность существует объективно здесь и сейчас (либо в прошлом) и в данной реальности одновременно существует и взаимодействует огромное количество факторов, детерминирующих в том числе существование этой реальности.

Понятия «правовая реальность» и «правовая действительность» не являются новыми для юридической науки, им уделяется значительное внимание в правовой доктрине. Автором настоящей статьи также уже обращалось внимание на обозначенную тематику в предыдущих работах, в том числе в диссертационном исследовании [2, с. 59–84].

Как правило, в юридических публикациях, посвященных названным явлениям, правоведами демонстрируется их определенное смешение, а иногда даже отождествление, что является спорным в методологическом отношении. Например, М. Н. Марченко ранее отмечал в качестве объектов исследования сравнительного правоведения «правовую действительность, правовую реальность» [3, с. 102], при этом уважаемый профессор интерпретировал названные явления как единый, наиболее широкий объект исследования. Кроме того, в качестве объекта общей теории сравнительного правоведения М. Н. Марченко предлагал считать «не отдельные составные части (нормы, правосознание, правоотношения и пр.) или фрагменты правовой жизни, а реально существующую в различных странах правовую действительность» [3, с. 103]. Приведенная позиция в части отождествления правовой реальности и правовой действительности представляется несколько дискуссионной. Безусловно, анализируемые понятия схожи по структуре и в определенных моментах могут иметь эквивалентное значение, однако сущностно-онтологически проведение грани между правовой реальностью и правовой действительностью обусловлено тем, что правовая действительность представляет собой аутентичную данность проис-

ходящей непосредственно здесь и сейчас правовой реальности, в отличие от реальности прошлой (состоявшейся, прошедшей) или реальности будущей [2]. Следовательно, правовая реальность в прошлом и будущем не может отождествляться с правовой действительностью. При этом одновременно с озвученным отличием реальности от действительности явствует еще и мировоззренческое отличие, лежащее в основе понятия правовой реальности.

Рассматриваемое явление правовой реальности является самостоятельным видом социальной реальности, включающим в себя всю совокупность элементов правовой материи, а также совокупность всех правовых проявлений и свойств. Для правовой реальности характерно единство указанной совокупности [4, с. 11]. Следует учитывать, что правовая реальность не регулирует что-либо, она является данностью. Регулятивность – свойственная характеристика тех субъектов, которые обладают соответствующей возможностью – регулировать, что не является определяющим для правовой реальности.

Правовая реальность, как отмечалось ранее, представляет собой всеохватывающее явление присутствия, существования права в социуме, однако проекция подобной реальности в человеческом сознании имеет определяющее значение, даже если она (проекция правовой реальности) никоим образом не воздействует на данную реальность. В обоснование сказанного можно привести позицию классика немецкой философии. Г. Гегель в «Философии права», анализируя введенное им в научный оборот понятие «дух», в качестве одного из фундаментальных, главнообразующих в его представлениях о мире отмечал, что дух «должен обладать реальностью, наличным бытием, должен быть для себя объективным, предметным» [5, с. 399–400].

Очевидным представляется то, что, являясь своего рода совокупностью идеалов, ценностей, основ познания правовой картины мира, мировоззрение существенным образом оказывает воздействие и влияние на содержательную составляющую правовой реальности. В последнее время приходится констатировать, что в научной юридической литературе в течение последних лет преобладает точка зрения, что правовая реальность обладает чисто позитивистским содержанием, которое, в свою очередь, формирует основу юрико-технической реальности. Однако представляется, что правовая реальность – это более развитое явление, чем формально-позитивистская реальность. И об этом свидетельствует тот факт, что правовая реальность распространяется кроме всего прочего на формирование субъекта права, обладающего свободой, рациональным разумом и определенными морально-нравственными установками [6, с. 21]. В приведенном обосновании оправданно отражена необходимость участия в правовой реальности ее субъекта со свойственными ему чертами, которые были отмечены еще И. Кантом (свобода, нравственность, разум).

В доктрине одновременно с нравственностью применительно к правовой реальности упоминается моральная составляющая. В качестве примера возможно привести следующую научную позицию: «...гуманность, равенство и справедливость являются ценностными составляющими морально-правовой реальности, проецируются на морально-правовую нормативность и мотивационные установки правового поля и общественной морали, концентрируясь в законодательных правовых актах и моральных императивах» [7, с. 62].

Нравственная составляющая является одной из основ правовой реальности, поскольку обратное положение дел, то есть повсеместное нивелирование в правовой материи нравственных аспектов неизбежно детерминирует античеловеческую исключительно легистско-выраженную реальность. В подобной реальности первоочередное значение будет уделяться форме, а не содержанию права, дух права будет утрачен. И как следствие – правовая материя предстанет в качестве совокупности общеобязательных нормативных предписаний и правил, основывающихся только на силе властного принуждения, исходящего от воли, предпочтений и желаний власть имущего без учета иерархии ценностей, устоявшейся в обществе. В свою очередь, игнорирование ценностных основ правовых коммуникаций в процессе правового регулирования претит современному развитому правопорядку. Именно поэтому следует резюмировать какую-либо бесперспективность «легистской правовой реальности» в силу неэквивалентности терминов «право» и «легизм». Само по себе расхождение в понимании права и закона есть одно из основных условий формирования представлений о правовой реальности. В противном случае следует использовать иные понятия, которые не предполагают интерпретацию права как условие и отождествление свободы, разума, нравственности, равенства, к примеру, такие как «нормативная реальность», «реальность установленных для человека предписаний» и т. д.

Норма права в качестве первоосновы предписывающего воздействия на социальные коммуникации может быть детерминирована посредством различных факторов. При этом главным является то, отражает ли норма потребности действительного регулирования. Служит ли она выражением естественного правообразования по своим аксиологическим истокам либо исключительно выражает волю лица (группы лиц) в угоду интересам последних. Несмотря на то что мы определяем ведущее значение правовой нормы в качестве единицы исходного нормативного формально-текстуального регулирования, следует учитывать, что «правовая норма – минимальная часть того, что составляет реальность права, его действительного содержания и исторических форм юридической репрезентации» [2, с. 6]. Следовательно, весьма опрометчиво правовую реальность сводить исключительно к правовой норме, а также к совокупности институтов, опосредующих ее создание

и последующую реализацию. Подобное сведение правовой реальности и нормы права является своего рода сужением объема рассматриваемого понятия. Без какого-либо сомнения, очевидно, что в правовой норме проецируются особо значимые для человека и общества отношения, потребность в регулировании которых обусловлена ценностными основаниями в духе господствующих и циркулирующих в обществе идеалов и устоев. Несмотря на озвученное, отождествление правовой реальности и нормативной реальности было бы методологической ошибкой. Ведь правовая реальность – это комплексное явление, включающее в себя действующие нормативные правовые акты как национального, так и международного уровней, а также принципы правотворческой, правореализационной и правоинтерпретационной деятельности, в том числе юридическую практику. Кроме того, профессор Р. А. Ромашов под правовой реальностью также понимает отношение к праву вообще, национальному и международному праву в частности со стороны общества; правовую эмпирику и статистику, выступающую в качестве оценочной шкалы эффективности и ответственности средств и методов правового регулирования» [8, с. 21]. В приведенной интерпретации понимание правовой реальности в качестве явления представлено многоаспектно и многопланово. В свете озвученного правовая реальность вступает в соотношение с правовой системой, которая представляет собой более масштабное явление. «Правовая реальность – это не только юридические институты и юридические конструкции определенного исторического места и времени. Правовая реальность – это и историческая и универсальная юридическая семантика, лексика и грамматика, в нормативно-понятийной логике которой говорят, рассуждают, общаются и понимают друг друга различные правовые системы» [9, с. 9].

В целях дальнейшего эффективного научного исследования по озвученной тематике следует отдельно остановиться на процессе формирования правовой реальности. В доктрине определено, что «сам процесс формирования правовой реальности имеет следующие особенности: 1) в самой структуре социума сегодня возникают профессиональные группы людей, которые разрабатывают правовые законы, формируют правосознание и культурную составляющую информации; 2) информация, формируя правила, социальные силы субъекта, возвышает их над самим субъектом деятельности; тем не менее каждый субъект выступает носителем права и информации, а сама правовая реальность постепенно становится творческой в процессе реализации или же нереализации, требующей системного и глобализирующегося мира; 3) в настоящее время возникает весьма устойчивая тенденция к расширению области действия права; 4) сегодня происходит интеграция объективных и субъективных правовых процессов» [10, с. 143].

Понимание права в качестве реально существующего явления, действующего и проявляющегося как неотъемлемый, обязательный элемент современного социума, проецируется в понятие правовой реальности. При этом данная проекция не является исключительно нормативно установленной, отражающей лишь совокупность нормативных институтов и отношений. Правовая реальность, одновременно опосредуя действия правовых норм, образующих многоплановую и многоаспектную организацию жизни человека, включает ценности, психологию межличностных коммуникаций, культурно-исторические особенности становления и развития социума. Пространство правовой реальности распространяется как на само право, так и на иные связанные и взаимодействующие с правом элементы социальной реальности. Указанное взаимодействие права с неправовыми элементами социальной реальности обусловлено потребностями и интересами человека.

Таким образом, явление правовой реальности включает в себя все многочисленные элементы жизнедеятельности человека и социума в целом, каким-либо образом имеющие отношение к правовой материи. Например, это правовые основы и стороны политической жизни общества, деятельности государства, правовые учения, концепции, правовые взгляды, правовая психология, влияющая на содержание взаимодействия различных субъектов, оказывающих свое разноплановое влияние на правовую реальность [11, с. 32].

Осмысление онтологического свойства правовой реальности обуславливает обращение к исследованию таких категорий, как «правовая деятельность», «правоотношение», «источник права», «правовая память», «правосознание». Принимая во внимание, что обозначенные категории уже многократно являлись предметом подробного анализа со стороны юридической доктрины, считаем возможным в настоящей работе остановиться лишь на отдельных аспектах, влияющих на характеристику правовой реальности.

Для правоотношений свойственно существование (создание изменение, прекращение) при наличии у субъекта этих отношений соответствующих потребностей, реализация которых возможна посредством использования нормативного оформления и обеспечения. Другими словами, указанные отношения возникают в ходе применения и реализации правовых норм, в свою очередь концептуализация правоотношений проецирует в теоретическом, понятийно-категориальном массиве тот материал, который необходим в конечном итоге для удовлетворения интересов людей. Правоотношения гармонично поглощаются правовой реальностью, встроены в ее структуру и определяют реальную меру свободы, ее масштабы для каждого участника этих отношений. При этом очевидно, что свобода одного субъекта должна коррелировать со свободами иных субъектов, в связи с чем правоотношения содержат фиксацию субъек-

тивных прав и обязанностей, участвующих в них субъектов.

Трансформация правовой реальности происходит не по какому-то определенному алгоритму, поскольку не существует и не может существовать единой программы изменения правовой реальности. Одним из определяющих факторов в правоотношениях является воля законодателя, закрепленная в нормативном правовом акте, а также воля непосредственных субъектов правоотношений. Подобное совмещение облаченной в нормативно-правовую форму воли законодателя и воли субъектов правоотношений образует неповторимые сюжеты коммуникаций взаимобязанных субъектов в правовой реальности.

Источники права среди прочего детерминируют структурность и системность рассматриваемого явления правовой реальности. В источниках права фиксируется социально-историческая информация, сопряженная с ее обязательно-формальным выражением нормативного характера.

Правовая память общества соединяет в себе ценности, обычаи, традиции, стандарты и образцы социальной и правовой психологии и выступает объективным условием, детерминирующим актуальное современному этапу состояние нормативной системы. Правовая память представляет собой образное отражение сущностных историко-правовых начал, преемственности и ценностей, связывающих судьбы и жизни поколений под воздействием права, на нормативно-правовой основе. Профессор О. Ю. Рыбаков в своих работах ранее обращался к этому феномену. Он отмечал, что это «понятие имеет несколько толкований. Во-первых, оно означает преемственность в нормативных правовых актах. Во-вторых, это преемственность государственно-правовых теорий. В-третьих, правовая память предполагает наличие норм, моделей, образцов правовой культуры, сознания, поведения различных субъектов общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение» [12, с. 25].

Представляется важным для характеристики правовой реальности обращение к изучению правовой памяти, поскольку именно она делает возможным установление корреляционной связи между языком, текстом, речью в качестве базовых компонентов культуры настоящего и прошлого. Правовая память сосредотачивает в себе устоявшиеся традиции, обычаи, образцы поведения, стереотипы мышления и тому подобное. При этом очевидна важность аксиологической составляющей, поскольку вне ценностей все озвученное не может быть соединено в единое смысловое образование, в правовую память. Основой социолога в сфере правовой преемственности является иерархия ценностей, сформированная в социуме.

Следуя идеям постклассической методологии, следует констатировать, что ценности представляют собой конструируемые неким властным субъектом необходимые ему социальные представления. В связи с неустранимой неопределенностью

как свойством неустойчивости, стохастичности социального мира и ограниченности человеческого сознания ценности в обыденном сознании предстают в расплывчатом или туманном образе «хорошей жизни» [13, с. 90]. Озвученная позиция демонстрирует необходимость научного осмысления процессов образования ценностей, значимых для социума. При этом процесс образования ценностей отличается от процессов их формирования властвующими элитами.

Складывающаяся в социуме, выражающая отношение людей к праву и всему правовому совокупность эмоций, чувственных представлений, волевых установок обрела в теории права дуалистическую конструкцию в виде правовой идеологии и правовой психологии.

Правовая идеология и правовая психология в свою очередь весьма условно вписываются в структуру правового сознания. Необходимо принимать во внимание, что в основании правосознания лежит мировоззрение, основанное на ценности права в целом и ценностях, которые право формирует и обеспечивает. Правосознание использует такие базовые правовые понятия устройства социума как «справедливость», «свобода», «равенство», «порядок», «безопасность» и тому подобное. Естественно, правосознание базируется на каком-то типе правопонимания и определении места человека в социуме, в системе общественных отношений.

Правовая реальность и правосознание взаимодействуют и взаимообуславливают друг друга в историческом ракурсе, при этом в отдельных существенных ситуациях явствуют стабильность и устойчивость правового сознания.

На правосознание оказывают влияние различные факторы и вызовы религиозного, морального, национально-этнического и иного толка. Иногда наблюдается своего рода гармония в сочетании религиозных представлений, норм нравственности и правовых норм. Их смысл и содержание стройно соединяются и выражаются в соответствующей нормативной правовой форме. Подобное единение перечисленных регуляторов детерминировано единым экзистенциальным, смыслообразующим духом. Но зачастую наблюдаются определенные конкуренция и противоречия между ними. В частности, рассмотрение вопроса о возможности нормативного закрепления запрета искусственного прерывания беременности в российском (и не только в российском) обществе вызвало массу споров и дискуссий. Право выбора беременной женщины вариантов поведения, исходя из собственных соображений, вступило в противоречие в том числе с религиозными и морально-нравственными устоями.

Вопросы гармонизации правового сознания, как и других видов сознания, представляют собой архисложную задачу в практическом отношении. При этом социальная организация общества является обязательным, императивным условием социальной организации права.

Право как явление обусловлено в том числе и социальной организацией. Право воспринимается

и интерпретируется человеком в качестве продукта его же собственного деятельностного преобразования правовой реальности как субъекта правоотношения на определенных ценностных либо неценностных аспектах. Кроме того, право представляется человеку в социально организованном свойстве, обеспечиваемом самим же правом в форме соответствующих нормативных правовых актов. Представляется, что именно в указанных состояниях право демонстрирует качественные и аксиологические особенности правовой реальности.

Эффективность качества социальной организованности является условием поступательного развития общества. В ходе эволюционного развития общества организованность как результат коммуникации людей получила, как правило, стабильное нормативное свойство. Подобная закономерность обусловлена интересами субъектов правотворчества и правоприменения в систематизации и упорядочивании правоотношений. Несмотря на это, на практике встречается немало проявлений различных деформаций или отклонений, в том числе в форме злоупотребления правом [14, с. 56].

Правовая реальность как социальное явление обеспечивается своими системными свойствами, в том числе: согласованностью функций элементов и самой системы, устойчивой совокупностью взаимосвязей самой системы, а также структурностью, целостностью, относительной автономностью, ранжированностью на отдельные элементы.

Системность как свойство правовой реальности в теоретико-правовой науке проецируется в проявлениях подобной реальности в форме таких понятий, как «правовая система», «система права», «система законодательства». Следует отметить, что наиболее широкое понятие среди указанных – «система права» – не является тождественным правовой реальности, поскольку указанные выше структурные характеристики, присущие правовой реальности, определяют ее как сложную систему, включающую в себя иные системы [11, с. 37]. В этой связи правовая реальность обладает всеми свойствами системы, так как в обратной ситуации право не являлось бы упорядочивающим регулятором.

В части стабильности и относительной автономности правовой реальности и ее поступательной трансформации необходимо указать на следующее. Реализационные процессы права как социального института могут не претерпевать изменений до определенного времени по причине стабильности правосознания субъекта, оказывающего непосредственное воздействие на правовые отношения. Обозначенное иллюстрирует относительную самостоятельность, автономность правовой реальности как социального явления.

Взаимодействие правовой реальности и правовой деятельности осуществляется на основе конвенциональных ограничений и целеполаганий субъектов правовой коммуникации. Представляется, что правовая деятельность, структу-

рированная по определенным принципам и нормативным правилам в совокупности с активно преобразующей деятельностью субъекта права, уже сама является определяющим фактором воздействия на преобразование правовой реальности. Как уже отмечалось автором ранее, правовая реальность проявляется в наиболее четких, организационно выраженных и конвенционально установленных параметрах в самом общем и простом виде как правовая система. Указанные выше проявления системности, характерные для правовой реальности в различных интерпретациях, в полной мере проецируются и в правовой деятельности. Именно правовая деятельность вы-

ступает пространством эволюционного развития, создания новых элементов, использования новых форм реализации права, а также процесса правообразования.

Возникает вопрос о приоритетности деятельности или реальности: что является априорным и первичным, а что последующим? Представляется что, вне деятельностной основы невозможна организация социальной жизни человека, невозможны процессы создания, применения и реализации права. Правовая реальность не существовала бы в отсутствие права, а правовая деятельность сама по себе является основой, фактором зарождения и существования правовой реальности.

Библиографический список

1. Лекторский В. А. Конструктивный реализм как современная форма эпистемологического реализма // *Философия науки и техники*. 2018. Т. 23, № 2. С. 18–22. DOI: <http://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22>.
2. Ланг П. П. Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания: дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022. 502 с. URL: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F413755832/Dissertaciya_Lang_P.P._Pravovaya_deyatelnost_itog_2_.pdf.
3. Марченко М. Н. Сравнительное правоведение. Общая часть: учебник для юридических вузов. Москва: Зерцало, 2001. 560 с. URL: https://www.studmed.ru/view/marchenko-mn-sravnitelnoe-pravovedenie-obschaya-chast_730d4c82542.html.
4. Белянская О. В. К вопросу о понимании правовой реальности // *Актуальные проблемы государства и права*. 2018. Т. 2, № 6. С. 5–15. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-6-5-15>.
5. Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем. Москва: Мысль, 1990. 524 с. URL: http://hegel.rhga.ru/filosof/fprav/detail.php?ELEMENT_ID=702&ART_NAME=Философия%20права.
6. Шапсугов Д. Ю. Становление правовой реальности: теоретико-правовые основания, этапы формирования // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2016. № 3. С. 21–24. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27175562>. EDN: <https://elibrary.ru/wwrtjf>.
7. Мигушов К. А. Ценностные основания морально-правовой реальности современной России // *Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого*. 2018. № 2 (26). С. 61–64. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35553107>. EDN: <https://elibrary.ru/xykovn>.
8. Ромашов Р. А. Дисбаланс правовой нормативности и правовой реальности // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2015. № 6 (107). С. 17–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25290553>. EDN: <https://elibrary.ru/vhlgpt>.
9. Веденеев Ю. А. Правовая реальность: онтология и эпистемология // *Lex Russica*. 2015. № 5. С. 7–22. URL: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2017/05/Lex-Russica-5-2015.pdf>.
10. Газизов Р. Р. Информация как структурный элемент правовой реальности // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9, № 4–2. С. 141–146. DOI: <http://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-141-146>.
11. Ланг П. П. *Правовая деятельность: аксиологические и мировоззренческие основания*. Самара: ООО «Полиграфическое объединение “Стандарт”», 2021. 372 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48019693>. EDN: <https://elibrary.ru/ivfnsi>.
12. Рыбаков О. Ю. Российская правовая политика и правовая память // *Философия права*. 2004. № 4 (12). С. 25–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41217636>. EDN: <https://elibrary.ru/cngfsf>.
13. Честнов И. Л. Ценностное измерение правовой реальности в постклассической интерпретации // *Криминалистика*. 2018. № 1 (22). С. 89–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35619272>. EDN: <https://elibrary.ru/xzorvz>.
14. Ланг П. П. Противодействие злоупотреблению правом в арбитражном процессе: теоретические и практические аспекты // *Судопроизводство в арбитражных судах: актуальные проблемы правореализации: сборник научных статей*. Самара: ООО «Полиграфическое объединение “Стандарт”», 2021. С. 56–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48205869&pff=1>. EDN: <https://elibrary.ru/nrhvqy>.

References

1. Lektorsky V. A. *Konstruktivnyy realizm kak sovremennaya forma epistemologicheskogo realizma* [Constructive realism as the contemporary form of epistemological realism]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology], 2018, vol. 23, no. 2, pp. 18–22. DOI: <http://doi.org/10.21146/2413-9084-2018-23-2-18-22> [in Russian].

2. Lang P. P. *Pravovaya deyatel'nost': aksiologicheskie i mirovozzrencheskie osnovaniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal activities: axiological and philosophical grounds: Doctoral thesis]. Kazan, 2002, 502 p. [in Russian]. Available at: https://shelly.kpfu.ru/e-ksu/docs/DISSERTATION/F413755832/Dissertaciya_Lang_P.P._Pravovaya_deyatelnost_itog_2_.pdf [in Russian].
3. Marchenko M. N. *Sravnitel'noe pravovedenie. Obshchaya chast': uchebnyk dlya yuridicheskikh vuzov* [Comparative law. Common part: textbook for law schools]. Moscow: Zertsalo, 2001, 560 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/marchenko-mn-sravnitelnoe-pravovedenie-obshchaya-chast_730d4c82542.html [in Russian].
4. Belyanskaya O. V. *K voprosu o ponimanii pravovoy real'nosti* [To the question about the understanding of legal reality]. *Aktual'nye problemy gosudarstva i prava* [Current Issues of the State and Law], 2018, vol. 2, no. 6, pp. 5–15. DOI: <http://doi.org/10.20310/2587-9340-2018-2-6-5-15> [in Russian].
5. Hegel' G. V. F. *Filosofiya prava. Per. s nem.* [Philosophy of Law. Translation from German]. Moscow: Mysl', 1990, 524 p. Available at: http://hegel.rhga.ru/filosof/fprav/detail.php?ELEMENT_ID=702&ART_NAME=Философия%20права [in Russian].
6. Shapsugov D.Yu. *Stanovlenie pravovoy real'nosti: teoretiko-pravovyye osnovaniya, etapy formirovaniya* [Formation of legal reality: theoretical-legal basis, stages of development]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik* [North Caucasus Legal Vestnik], 2016, no. 3, pp. 21–24. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27175562>. EDN: <https://elibrary.ru/wwertjf> [in Russian].
7. Migushov K. A. *Tsennostnye osnovaniya moral'no-pravovoy real'nosti sovremennoy Rossii* [Value bases of moral and legal reality of modern Russia]. *Gumanitarnyye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*, 2018, no. 2 (26), pp. 61–64. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35553107>. EDN: <https://elibrary.ru/xykovn> [in Russian].
8. Romashov R. A. *Disbalans pravovoy normativnosti i pravovoy real'nosti* [The imbalance of law normativity and law reality]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii* [Bulletin of Saratov State Law Academy], 2015, no. 6 (107), pp. 17–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25290553>. EDN: <https://elibrary.ru/vhlgpt> [in Russian].
9. Vedeneev Y. A. *Pravovaya real'nost': ontologiya i epistemologiya* [Legal reality: ontology and epistemology]. *Lex Russica*, 2015, no. 5, pp. 7–22. Available at: <http://crimescience.ru/wp-content/uploads/2017/05/Lex-Russica-5-2015.pdf> [in Russian].
10. Gazizov R. R. *Informatsiya kak strukturnyy element pravovoy real'nosti* [Information as a structural element of legal reality]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and social-educational ideas], 2017, vol. 9, no. 4–2, pp. 141–146. DOI: <http://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-4/2-141-146> [in Russian].
11. Lang P. P. *Pravovaya deyatel'nost': aksiologicheskie i mirovozzrencheskie osnovaniya* [Legal activities: axiological and philosophical grounds]. Samara: OOO «Poligraficheskoe ob"edinenie "Standart"», 2021, 372 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48019693>. EDN: <https://elibrary.ru/ifvnsi> [in Russian].
12. Rybakov O. Yu. *Rossiyskaya pravovaya politika i pravovaya pamyat'* [Russian legal policy and legal memory]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2004, no. 4 (12), pp. 25–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41217636>. EDN: <https://elibrary.ru/cngfsf> [in Russian].
13. Chestnov I. L. *Tsennostnoe izmerenie pravovoy real'nosti v postklassicheskoy interpretatsii* [Postclassical interpretation of value measurement of legal reality]. *Kriminalist* [Criminalist], 2018, no. 1 (22), pp. 89–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35619272>. EDN: <https://elibrary.ru/xzorvz> [in Russian].
14. Lang P. P. *Protivodeystvie zloupotrebleniyu pravom v arbitrazhnom protsesse: teoreticheskie i prakticheskie aspekty* [Countering the abuse of law in the arbitration process: theoretical and practical aspects]. In: *Sudoproizvodstvo v arbitrazhnykh sudakh: aktual'nye problemy pravorealizatsii: sbornik nauchnykh statey* [Court proceedings: actual problems of legal implementation: collection of scientific articles]. Samara: OOO «Poligraficheskoe ob"edinenie "Standart"», 2021, pp. 56–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48205869&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/nrhvqy> [in Russian].